Глава 10

Невероятно, но жизнь в бегах была не так уж плоха.

Даже террористы могут создавать воспоминания.

…

Мы спрятались в мусоровозе. Во время своих ежедневных пробежек, я нашёл эту брошенную машину у реки.

Воспользовался ломом, чтобы приоткрыть дверь машины, спрятался внутрь, накрыл окно тканью, и вот — импровизированное укрытие. Ночью было холодно, внутри автомобиль был всё такой же донельзя пыльный и затхлый, но размер места был в самый раз. Если прислушаться, то также можно услышать звук проточной воды реки, прямо как на прибрежной вилле. А самое главное, свободно растущие деревья могут перекрывать окрестности.

Покупки вещей и сбор информации — всем этим занимается Адзуса. Она выбиралась из мусоровозной машины, чтобы покупать еду, и в то же время собирала информацию об событиях, используя бесплатную беспроводную точку доступа на дороге.

А я всё это время просто прятался в мусоровозе. Я безмерно благодарен Адзусе.

Из-за пугливости, мы не могли есть слишком хорошую еду, а я и вовсе не мог свободно выходить на улицу. Ночью было так холодно, что не окажись тут грелок, скорее всего, мы бы замёрзли до смерти, не говоря уже о душе и туалете, что было ужасно с точки зрения условий проживания.

Единственное удовольствие было только поздно ночью.

С наступлением времени, когда мне не нужно беспокоиться о том, что меня увидят, я выхожу на улицу вместе с Адзусой.

Я смотрел в небо, взяв горячую воду, которую Адзуса взяла в магазине, чтобы согреться.

Даже в Токио можно увидеть звёзды, покуда вы находитесь у реки, которая мало освещена. В январскую ночь воздух был настолько холодным и кристально чистым, что это идеально подходило для наблюдения за звёздами. Адзуса сведуща в цветах, но не знает про созвездия, этих познаний не имелось. Я и сам не очень хорошо с ними знаком, так что тут нечего сказать.

Ах, звёзды такие красивые. Да, они правда красивые.

Мы болтали слово за слово, неустанно наблюдая за ночным небом.

В этот краткий миг времени, мы забывали, что мы террористы, забывали, что мы оба из семей преступника и потерпевшего, и также забывали, что за нами охотится полиция, время просто спокойно текло.

— Я всё же больше предпочитаю цветы. — категорично сказала Адзуса и вернулась в машину. Я тоже пожаловался, что было холодно и вернулся обратно в машину.

Не знаю, почему, но это время было приятным для меня.

…

Почувствовав, как кто-то тряхнул меня за плечо, я открыл глаза.

Меня разбудили помягче, похоже, Адзуса вернулась. Она присела рядом со мной, и мы вдвоём были плечом к плечу на заднем сиденье автомобиля. Посмотрев время, я узнал, что наступил вечер. Прошло два с половиной дня с момента первого взрыва, и нам удалось так долго оставаться в бегах.

— Я думал, что ты не вернёшься.

Услышав это, Адзуса легонько ущипнула меня за плечо.

— Как я могла не вернуться? Скажешь это ещё раз, и я разозлюсь.

— Извини, — я честно извинился. Я в самом деле не должен был говорить ей это.

Она рассказала мне о своём разговоре с Андо. Несмотря на то, что она не знала, как он это провернул, но мистер Андо, похоже, нашёл Хаитани Юдзуру, а также записал его показания.

— Отлично. Наконец-то появился надёжный человек.

Я ждал человека, готового оказать помощь в раскрытии истины этого мира. Я хотел поблагодарить Адзусу за то, что он рискнула своей жизнью, чтобы встретиться с ним.

Я потёр плечи и сделал упражнения на растяжку в узкой машине. Вероятно, из-за того, что я спал на жёстком сиденье автомобиля, тело было слишком неповоротливым.

— Ацуто, я попросила моего старшего брата начать с подробного рассказа о твоей сестре Юми.

Это то, что я хочу знать больше всего.

Адзуса посмотрела в блокнот и начала излагать мне.

Хаитани Юдзуру хотел испытать свою самодельную бомбу: он выбрал труднопроходимые горы для проведения экспериментов с пероксидом ацетона. К несчастию, сцена эксперимента была увидена Юми, которая побежала в горы, чтобы найти цветы. Ватанабэ Юми пошла в горы, чтобы найти цветы. Встревоженный Хаитани Юдзуру пообещал купить ей более великолепный цветок, чем дикорастущие цветы, а в обмен попросил Ватанабэ Юми не рассказывать про это. Он отвёл Ватанабэ Юми в цветочный магазин и попросил её выбрать понравившийся ей цветок. После того, как он завоевал её доверие, он довёл её до дома. На следующий день он спровоцировал Томиту Хииро совершить поджёг.

Это крайне гнусно.

Я действительно хотел немедленно вытащить кухонный нож и вонзить его в горло Хаитани Юдзуру. Если бы я был там, я бы определённо был в отчаянии. Гнев заставил мой мозг нагреться.

Но сейчас есть дела куда поважнее.

Мы должны победить нанимателя Хаитани Юдзуру.

Я несколько раз сделал глубокие вдохи и успокоился.

— Адзуса, у меня тоже есть что сказать, можно?

Я запустил планшет и показал ей фото.

— Что происходит? — Адзуса широко раскрыла глаза и взяла планшет, вскрикнув хриплым голосом.

Совсем недавно я тайком выскользнул из машины, чтобы собрать информацию, и нашёл вот это.

На веб-доске объявлений висел дом Адзусы.

— О моём прошлом известно уже многим людям. Однако какие-то люди распространяют информацию о том, что это не «Томита Хииро» поджёг дом Ватанабэ Ацуто, а «Хаитани Юдзуру».

Благодаря незнакомцу, стало хорошо известно, что я являюсь жертвой преступления несовершеннолетнего. Люди говорят, что Ватанабэ Ацуто обезумел от ненависти, и что мальчик, который убил его семью, настоящий злодей.

Короче говоря, рассуждения хаотичны, и всякий раз, когда появляется одни нечестивый человек, на него наваливаются всей толпой.

— Но почему? — спросила Адзуса. — Мой брат связан с этим инцидентом, но лишь немногие знают об этом.

Я кивнул. Есть только горстка людей, которые могут это сделать. Этот человек не только заметил, что Хаитани Юдзуру связан с инцидентом, но и распространил ложную информацию.

— Это может быть Томита Хииро. Прежде чем личная информация будет распространена, сначала распространяют слухи.

Я не уверен, но у меня постоянно такое чувствую, что в этом почти можно не сомневаться.

Впрочем, не имеет значения кто виноват, проблема в том, что семья Адзусы засветилась в интернете.

Адзуса выключила планшет и обхватила свою голову.

— Прости, лучше бы я тебе не показывал?

— Не, — она покачала головой. — Я уже подготовилась психологически. В любом случае, пока сообщается, что мой старший брат виноват в этом преступлении, наша семья будет обвинена.

Её голос стал подавленным, но было видно, что она старалась быть смелой.

Глядя на это выражение, я почувствовал в своём сердце порыв, который не мог успокоиться.

— Всё в порядке, интерес людей скоро сместится на нанимателя. Я собираюсь разоблачить плохие дела, которые сделал этот тип, и пустить под откос все его планы.

Нельзя допустить, чтобы все обвинения указывали на Хаитани Юдзуру.

Чтобы мир узнал, что за этим кто-то стоит.

— Рано или поздно, ты будешь сидеть на этой скамейке и смотреть в будущее.

Я посмотрел в глаза Адзусы, чтобы приободрить её.

И Адзуса тоже посмотрела мне в глаза.

— А ты? — прошептала она. — Ацуто, разве я не буду с тобой?

Я потерял дар речи, когда она указала на это.

Её глаза, казалось, видели всё насквозь. Увидев её сдавленные губы, я понял, что не смогу её одурачить.

— Прости.

Я легонько покачал головой.

— Я был неправ. Я прекрасно помню, что мы вдвоём будет вместе смотреть в будущее.

Пришло время признаться в своих чувствах. Это больше не притворство.

Я хочу быть счастлив вместе с Адзусой.

Было бы замечательно, если бы мы вдвоём могли снова посидеть на той скамейке.

Я снова протянул ей руку.

— Давай вместе перевернём этот проклятый мир с ног на голову.

Адзуса улыбнулась и взяла меня за руку.

На мгновение наши обе руки не расходились.

По дороге я подключился к бесплатному Wi-Fi, чтобы собрать информацию, связанную с инцидентом.

Одна из причин — прикрыть своё лицо планшетом.

Другая причина заключается в том, что последующие новости не получится увидеть после ареста.

Сначала я открываю новостной сайт. Все новостные события обо мне. Увидев, как представители учреждения посещают пресс-конференцию, я почувствовал приступ душевной боли. Кабинет министров также выступил с заявлением, в котором просил полицию быстро реагировать, выразив при этом озабоченность по поводу освещения в средствах массовой информации про несовершеннолетних. Первое можно было оставить в стороне, но вот второе вызвало яростную реакцию, а в колонке комментариев были строки, в которых писали, что нет необходимости понимать террористов.

Потом была веб-доска объявлений, которая кричала на меня, желая наказать. Увидев фотографии в интернете, я потерял дар речи. Надгробные плиты, в которых спала моя семья, были повреждены, изрисованы грязными граффити аэрозольной краской, какие-то типы даже сделали фотографии и по-тупому вели себя, хвастаясь в интернете.

Увидев имя старого друга, я вздрогнул. Это был тот, с кем я знаком, ещё когда мы участвовали в общественных мероприятиях в средней школе, мы часто общаемся. Только по этой причине он был внесён в список кандидатов в посредники. По словам человека, который написал это, покуда вы друг Ватанабэ Ацуто, вы не порядочный человек.

Есть и такие люди, которые манипулируют дронами и снимают прямую трансляцию над учреждением, в котором я проживал. Дети в учреждении появляются на видео. Когда они увидели дроны во дворе, они вбежали в дом, плача.

На интернет-барахолке какие-то люди скопировали мои аттестаты об окончании начальной и средней школ и продавали их СМИ. Но как вы можете сказать, цена в тридцать тысяч иен — слишком жадно.

И, наконец, соцсети. Вбивая поиск ключевых слов, я видел только оскорбления в свой адрес.

«Смертная казнь»; «расстрел» … … Всё вышеизложенное полнилось агрессивными словами.

Похоже, что дом Адзусы пострадал от толпы. Они оставили бесчисленные граффити на доме человека, который некогда убил семью Ватанабэ Ацуто, а некоторые и вовсе прислали фото с разорёнными клумбами.

Бесчисленные голоса захлестнули нас.

Люди вооружаются своим собственным правосудием и нападают на всех нарушителей.

Меня хотелось стошнить. Мне очень хотелось немедленно выбежать и встать на колени и взмолить их: «Не привлекайте никого их тех, кого я знаю». Моё сердцебиение участилось, мне захотелось расплакаться, когда я почувствовал в себе небольшую слабину.

Я крепко взял Адзусу за руку.

— Ацуто?

Услышав её вопрос, я сразу же ответил: «Всё нормально».

Как будто я могут проиграть им. Я сказал в моём сердце: нельзя проигрывать этому голосу.

Но я допустил ошибку.

Прежде чем мы это осознали это, мы уже были на пешеходной дорожке.

Женщина на обочине дороги в светло-коричневой куртке с белым воротником посмотрела на меня, по-видимому, подумав, что я плохо себя чувствую.

В тот момент, когда мы пересеклись, она широко распахнула глаза и затаила дыхание, а её сумка упала на землю.

Разоблачённый, она, должно быть, узнала меня.

— Бежим, — сказал я, взяв Адзусу за руку, и побежал. Женщина не стала догонять, оглянувшись назад, она воспользовалась своими мобильником, собравшись позвонить в полицию. Вот зашквар.

Никто не бежит на полном ходу по тротуарным дорожкам города, и мы, естественно, привлекаем внимание окружающих людей. Встречаясь со взглядами, встречаемые вскликивали.

Ни за что не останавливаться.

Мы находимся на XX-ом национальном шоссе, очень близко к станции Хацудай. К вечеру национальная дорога была перегружена, и мы отчаянно бежали по этой дороге в направлении к станции Синдзюку. Увидев меня вот таким, офисный работник, который вовремя уходил с работы, потерял дар речи.

Люди, которые преследовали нас, также появились, сзади можно было услышать крики. У меня не осталось свободных сил оглядываться назад. К счастью, я был уверен в силе своих ног, а вот Адзуса бежала медленно. Мы пробежали через перекресток, где светофоры горели красным светом и помчались к месту назначения.

— Ацуто! — когда Адзуса побежала, она спросила: — К слову, подснежники уже расцвели?

Я усомнился в собственных ушах. «И ты спрашиваешь об этом в такое-то время?».

Твоё сердце слишком велико. Я посмотрел на Адзусу, но её глаза были серьёзными.

— Потому что мы больше не сможем поговорить.

Всё именно так, как она и сказала.

После этого, независимо от того, как пойдут дела, меня обязательно арестуют. Независимо от того, буду ли я находиться в следственном изоляторе или детской колонии, боюсь, у меня больше не будет возможности поговорить с Адзусой.

Адзуса, конечно, тоже это понимает.

— Скоро появятся бутоны, — ответил я. — Ты так хочешь это знать?

— Ацуто, у подснежника есть такая легенда. Изначально у снега не было цвета, поэтому снег попросил у многих цветов поделиться с ним цветом, но все они отказали. И только подснежник поделился своим цветом. С того дня снег стал белым.

Она продолжала говорить пока бежала.

Возможно, это были слова, которые она подготовила уже очень давно.

— Я всегда была бесцветной, как прозрачный человек. Ничего не думала, ничего не делала, просто терпела жестокое обращение. Мне всегда казалось, что это результат преступления моего старшего брата, и что я должна быть наказана. Но после встречи с тобой я начала думать, что это неправильно. Что я должна сделать, — так это продолжать думать о жертвах. Я поеду к семье мисс Игути и спрошу её близких, что они хотят, чтобы мы сделали. И в выращивании подснежников Ацуто тоже должен быть смысл.

Адзуса сжала мою руку сильнее.

— Какой бы ни был результат, быть с тобой было по-настоящему приятно.

Слушая её, я вспомнил то место, которое я посещал каждый день.

В том пространстве, куда не проникает свет, моё сердце может успокоиться. Там есть тьма, которая идеально подходит для меня, кто продолжает двигаться и не знает, куда излить свой гнев.

Окутанный в мрачную черноту, я продолжал смотреть на «голос».

А теперь, ты хочешь дать им белый…

Как сказала Адзуса, в этом должен быть смысл.

Разговаривая с ней, мы наконец-то добрались до нашего пункта назначения.

На углу центрального парка Синдзюку стоит скульптура, которая просто блокирует мне дорогу. Он находится в десяти минутах ходьбы от станции Синдзюку, а также перед вестибюлем правительственного штаба в Токио. Отлично подходит для сбора толпы.

Оглядываясь назад, люди приближаются ко мне. Я не ожидал, что так много людей осмелится задержать террориста.

Я достал из кармана кухонный нож. Это реликвия бабушки. Я обнял Адзусу перед собой и приставил к её шее кухонный нож.

— Не подходите! А не то я убью её, если подойдёте!

Адзуса была заложницей.

Это единственный способ защитить себя.

Видя, как к бедной девочке приставили нож, люди, которые обступали вокруг, остановились.

— Я собираюсь выложить последнее видео. Делайте, как говорят на видео!

Я позаимствовал телефон Адзусы и загрузил видео. Содержание более конкретное, чем раньше.

— Я хочу поговорить лицом к лицу с конгрессменом Хицу Сюдзи. Как только это требование будет выполнено, я немедленно отпущу заложницу и сдамся.

Я не выдвигал нереалистичных требований. Террорист сам предложил начать диалог, само собой разумеется, люди ни за что не проигнорируют это, и теперь они могут только делать ставку на эту возможность.

Мы вдвоём, я и Адзуса, стояли перед всем миром.

Мы непременно перевернём его с ног на голову.

Мы были окружены в мгновение ока, и через несколько минут утратили свой шанс на побег.

В левой руке я держу карточку подснежника, а в правой руке кухонный нож, направленный на шею Адзусы.

К счастью, заложница была подготовлена. Полицейские просто с лютой ненавистью смотрели на меня, но не набрасывались.

За пределами полицейского окружения появилась фигура человека, несущего видеокамеру. Это телевизионная станция. Я натянул капюшон на Адзусу, накрыв её лицо. Я не хочу выставлять её лицо напоказ.

В течение этого периода число сотрудников полиции продолжало увеличиваться. Тяжело вооружённые полицейские продолжали наводнять парк, должно быть это был SAT, — специальная штурмовая команда. Ранее я видел в новостях, как преступники оказывали им сопротивление.

Если бы я не наставил кухонный нож на Адзусу, меня бы точно скрутили в мгновение ока. А если бы это был не несовершеннолетний, то было бы не удивительно — застрели они его.

После того, как меня полностью окружили, раскинулось освещение, и ночь стала яркой, как день.

Мужчина, зажатый посередине между двумя членами команды, вышел вперёд.

Это мистер Хицу. Не испугавшись, он подошёл поближе в открытой манере.

Я отпустил подснежник в левой руке и заменил его небольшим громкоговорителем.

— Пожалуйста, остановитесь, — сказал я. — Если вы и дальше приблизитесь, я зарежу её.

Железное правило применяемое к заложникам — всегда целься в них ножом.

Как бы то ни было, смешно полагаться на знания, которые я увидел в интернете, как нужно вести переговоры с полицейскими, но я заранее узнал, как обращаться с заложниками: неважно, насколько ты напуган, не наводи нож на кого-то другого, кроме заложника. Чтобы защитить себя, ты должен постоянно наводить нож на шею Адзусы.

В тот момент, когда кончик ножа повернётся на Хицу, полиция скрутит меня и план с треском провалится.

Это не имеет ничего общего с телом или разумом, это битва духа.

— Пожалуйста, дайте мне десять минут, я хочу поговорить с конгрессменом Хицу. После этого я освобожу заложницу и сдамся, я не нарушу слово.

Глядя на Хицу, тот смотрел на меня таким пристальным взглядом, будто этот взгляд собирался убить человека.

Я постоянно ощущал чувство необъяснимой ностальгии.

Ах да, я ведь уже дискуссировал с этим человеком. В то время я просто выплеснул свои чувства, результатом стало то, что он уклонялся от темы, а я накричал.

Вспоминая унизительное и трагическое прошлое, у меня вспотели ладони.

В этот момент Адзуса, находившаяся в объятиях, аккуратно наклонила своё тело.

Она играет невинную заложницу? Или же подбадривает меня?

Всё в порядке. Нынешний я отличаюсь от прошлого.

— Ватанабэ Ацуто-кун, — Хицу также взял громкоговоритель. — Я знаю, это займёт всего десять минут на разговор, пожалуйста, пообещай, что потом заложник будет освобождён.

— А вы не называете меня Ацуто-куном, — сказал я. — В прошлую встречу было не так.

Услышав это, Хицу опустил лицо.

— Я не припоминаю, что когда-то встречался с тобой, в конце концов, я встречаюсь с десятками, сотнями людей каждый день.

Он говорил какую-то чушь. Но по-прежнему держал улыбку.

Таким вот образом, он, похоже, хотел скрыть тот факт, что он встречался с террористом. Для него имевшийся разговор со мной уже считался пятном.

— Я обещаю, — я кивнул. — Заложница будет освобождена, я ни в коем случае не причиню ей вреда.

Разделённые на расстоянии десяти метров, я и Хицу столкнулись друг с другом.

— Конгрессмен Хицу, раз выпал шанс, сначала скажите мне, что вы думаете. Расскажите, пожалуйста, о своей позиции в отношении ювенальной юстиции и преступности среди несовершеннолетних.

— Почему ты вдруг спрашиваешь об этом? Это и есть твоё требование?

Это не то, чтобы требование. «Это необходимо».

Хицу выглядел озадаченным, но всё-таки поднял громкоговоритель. Он не вздрогнул, уверенно выпрямил грудь и уставился на меня через громкоговоритель.

— Я считаю, что в ювенальную юстицию надо немедленно внести поправки. Поправки, внесённые к настоящему времени, не удовлетворят ни потерпевших, ни граждан. Однако некоторые из сторонников по правам человека в нашей стране опровергают эти голоса, используя статистические данные и юридические теории. Но все мы понимаем, что все люди хотят объяснений причинно-следственной связи. Я прекрасно понимаю боль, которую переживают выжившие жертвы, и поэтому выдвигаю предложения о внесении поправок в ювенальную юстицию в соответствии с их ожиданиями в отношении причинно-следственной связи. Например, я считаю, что в преступлениях среди несовершеннолетних следует обнародовать реальные имена. Говорится, что для того, чтобы помочь преступникам начать всё с чистого листа, в делах не должны фигурировать реальные имена, и действующий закон также запрещает обнародование реальных имён. Но реальность такова, что несовершеннолетние, покидающие детские колонии, по-прежнему имеют высокий уровень рецидивизма. Даже если о реальных именах будет сообщаться, преступления будут повторяться, поэтому то, что должно предотвращаться — это первое преступления, а не рецидивизм. Увеличение наказания создаёт сдерживающий фактор, наказывает преступников и спасает жертв. И благодаря этому террористическому акту я глубоко почувствовал, что это именно то, что необходимо сделать ради сохранения нашей прекрасной страны.

Хицу изложил справедливое высказывание и посмотрел на меня.

То, что он только что сказал, было не только для меня, но и для толпы в парке.

Откуда-то раздались аплодисменты.

Похоже, что помимо полиции и средств массовой информации ещё довольно много людей следят за толпой. Бурные аплодисменты были бесконечны, они были похожи на волну, подступающую, чтобы поглотить меня. Очевидно, что этот звук доносился издалека, но он звучал так, будто руки хлопали прямо в ушах.

Как легко было бы, если бы я тоже присутствовал в виде зрителя.

Как только звук аплодисментов прекратился, я продолжил говорить: «Понятно. В этом весь вы, конгрессмен Хицу, людей, которые согласны с вами, должно быть бесчисленное множество».

Хицу холодно фыркнул, словно издеваясь надо мной.

— Разве ты не согласен?

— Как я могу, — улыбнулся я. — Я полностью согласен.

Как я мог не понимать.

Теперь я действительно хочу выкрикнуть имя Томиты Хииро, и таким образом, его жизнь будет разрушена, но что важно для меня — в глубине души, у меня всё ещё есть такие мысли.

Однако кто-то сделал это раньше, и в результате «Хаитани Юдзуру» упустил свой шанс на реабилитацию.

А затем я потерял свою семью.

— Я разделяю ваши идеи и могу согласиться с ними. Но я всё ещё сомневаюсь в вас.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Хицу говорил с презрением.

Я закрыл глаза и медленно задышал. Мгновение спустя, я выпалил на одном дыхании: «Я был в беде. Моя семья была убита тринадцатилетним подростком. Многие люди говорили мне, что «государство защищает только преступников» и «потерпевшие могут отомстить только сами»; в то же время были и такие, которые мягко убеждали меня, что «подросток ещё не созрел и нуждается в защите», что «месть ничего не решит, и семья на небесах не хочет, чтобы ты это делал». С того дня я не переставал действовать. Некоторые из преступников раскаиваются в своих ошибках, а некоторые из них совершают новые преступления, не отдавая себе отчёта. Некоторые родители уклоняются от гражданской компенсации, а некоторые родители и вовсе обязаны отбывать наказание. За это время я услышал всевозможные слова: месть, примирение, ненависть, покаяние, рецидивизм, прощение. Я не мог ответить на все вопросы. Но есть только одно предложение, которое я могу сейчас сказать».

Я поднял грудь и объявил:

— Будь то месть, будь то прощение, — всему нужна правда.

Никто не стал громко насмехаться.

Присутствовали сотни человек, и все, кроме меня, не говорили ни слова.

— Даже если репортажи с реальными именами подталкивают преступника к самоубийству, в этом нет никакого смысла если он не настоящий преступник. Без правды ни наказания, ни осуждения ничего не стоят. Вот почему я стою перед вами как террорист.

Объектом мести является не Томита Хииро, и не Хаитани Юдзуру.

Я бы никогда не испытал боли, если бы другая сторона не была действительно теневой.

Я крикнул:

— Конгрессмен Хицу.. … это же вы наняли семнадцатилетнего подростка, чтобы спланировать террористические акты?

— И какие основания у тебя есть? — услышав мои слова, Хицу просто рассмеялся. Он изогнул уголки своего рта, не воспринимая меня всерьёз.

Я сжал кухонный нож.

— Преступник, заложивший бомбы, сказал, что голос его нанимателя очень похож на ваш. На данный момент он должен быть уже арестован и давать точно такие же показания.

— Схожесть по звуку — это теперь основание? Смешно, — Хицу покачал головой. — Ты говоришь, что тебе нужна правда, но ты не можешь дать достоверные факты, возмутительно.

— Я просто спрашиваю.

— Предвзятый вопрос ничем не отличается от распространения лжи.

— Может и так. Но когда дело доходит до лжи, разве вы не лжёте тоже?

Хицу нахмурился, его лицо выглядело расстроенным.

— Я уже встречался с вами, но вы притворяетесь, что встречаете меня впервые, почему?

— Я не помню этого, — он утверждал с сожалеющим видом: — Разве я не говорил только что, я вижусь с десятками или даже сотнями людей каждый день, и я не могу их всех запомнить. Слишком надуманно говорить, что это ложь.

— Так вы говорите, что не помните меня?

— Да, не помню. Ты же не станешь заставлять меня представлять доказательства про то, чего я не помню?

Хицу самодовольно улыбнулся.

Это неудивительно.

Эта ситуация обычно заходит в тупик, и в новостных сообщениях часто возникают споры о том, встречались ли парламентарии, и важные деятели или нет. На самом деле я даже не ожидал, что сам буду расследовать до этого момента.

— Я не буду заставлять вас представлять доказательства, — я покачал головой. — Это я хочу представить доказательства.

Я дал указание Адзусе. Она по-прежнему была вынуждена подчиниться приказу, вытащила свой планшет и воспроизвела аудио отрывок.

«Мистер Андо, вы не видели выражения Ватанабэ Ацуто, когда он жаловался мне: «Почему бы не изменить ювенальную юстицию?». Это не то, что можно решить, просто поговорив об этом, потерпевший надеется, что вы поймёте причину и следствие. Даже если такой подход неуместен, вы должны также побудить общественное мнение развиваться в направлении суровых наказаний, и это будет возможно только в том случае, если вы первыми начнёте отслеживать Ватанабэ Ацуто. Этот инцидент даёт возможность для серьёзного внесения поправок».

Адзуса протянула руку, держа планшет. Я посмотрел на Хицу, только чтобы увидеть, как он широко распахнул глаза и невольно застонал.

— Это запись вчерашнего разговора между журналистом из еженедельника и Хицу.

Эта аудиозапись, которую Адзуса получила от мистера Андо, стала решающим доказательством того, что Хицу Сюдзи помнил меня.

— Похоже, она противоречит вам. В сентябре прошлого года террорист был замечен перед громким инцидентом, это произвело бы плохое впечатление, поэтому что вы захотели скрыть это.

Я продолжил.

— Для вас я — бомба, которая в любой момент может сломать вашу политическую карьеру.

Ключевой момент заключается в разговоре, когда Хицу и я только что встретились. Если бы он

добровольно признался, что видел меня как-то раз, то боюсь, он загнал бы меня в угол.

— Чтобы изменить закон по вашему собственному желанию, вы без колебаний искажаете правду и разжигаете общественное мнение… … С таким подходом вы не боитесь, что на вас будут смотреть свысока?

Лицо Хицу покраснело.

— И что? — у него был повышенный тон, почти ругательский. — Одна или две лжи теперь преступление? В конце концов, это не считается доказательством того, что я нанял семнадцатилетнего подростка для занятия в террористических актах. Абсолютно не считается!

Он был прав, он целиком видел насквозь мой предел.

— Ну да… … В конце концов, у меня до сих пор нет надёжных доказательств. Я не хочу создавать путаницу, навязывая вам ненужные дурные впечатления.

Я опустил взгляд.

У меня больше не было на руках никаких доказательств, чтобы противопоставить Хицу.

В конце концов, я до сих пор не сумел разоблачить чрезмерное использование власти членом конгресса. Больше ничего не оставалось.

Впрочем, уже и так сойдёт. Достаточно всего одного мгновения, чтобы Хицу заколебался.

— У меня лишь одно требование: пожалуйста, проведите расследование. Если я полностью неправ, то я накажу себя. Пожалуйста, тщательно изучите отношения между преступником и нанимателем, чтобы раскрыть правду об этих взрывах.

Сказав это, на глазах проступили слёзы.

Это не актёрская игра, это от всего сердца.

— С кем ты говоришь?

Хицу спросил.

Я достал телефон из нагрудного кармана.

— Я транслирую весь разговор в прямом эфире.

Хицу был ошеломлён. Он всё понял.

После того, как он появился передо мной, я сразу же начал прямую трансляцию.

За прямой трансляцией наблюдало предположительно более десятков тысяч людей.

Я попытался докричаться до этих людей.

— То, что я рассказываю, будет опубликовано на главной странице «Еженедельного REAL», в неё также войдут ваши слова и действия после террористического взрыва бомбы, а также показания несовершеннолетнего исполнителя преступления. Я надеюсь, вы отследите подозреваемых, пожалуйста.

Пылающие мысли хлынули в моё сердце.

Я — террорист, и громко заявляю о своих требованиях.

Я превратил себя в бомбу, взорвал весь мир на части и перевернул всё с ног на голову.

Это уже не остановить. Я спустил горло с привязи и закричал:

— Я хочу знать правду! Бабушка и сестра сгорели до смерти, но полиция не начала расследование, потому что преступник был моложе четырнадцати лет! Прокурору всё равно, что настоящий преступник ещё не раскрыт! Я! Хочу всё знать! Я хочу получить всю информацию, что связана с происшествием! Иначе! Мне остаётся только топтаться на месте! Может ли месть спасти сердце? Что за херня! У меня сейчас даже нет возможности отомстить! Думаете, что суровый приговор всё решит? А я скажу, что вы ошибаетесь! Даже если реальное имя преступника будет обнародовано, даже если поджигатель захочет покончить жизнь самоубийством, это бесполезно! Если не известно, кто настоящий негодяй, то как такое можно принять!

Несчётное число раз, несчётное число раз, я видел это во сне.

Я вспоминаю тот день.

Тот день должен был стать счастливым и особенным воспоминанием. И это счастье выскользнуло из моих рук, и злобное пламя отняло всё. Реальность, лежащая на ледяной земле, казалась невероятной, что-то в моём сердце сломалось, и я полностью потерял над собой контроль.

— Моя семья стала мишенью, потому что моя сестра пошла собирать цветы в горах, и она стала свидетельницей того, что эти бомбы были использованы в этом террористическом акте. Чтобы заткнуть рот, они подожгли мой дом на следующий день, прямо в ночь моего дня рождения.

В ночь после празднования моего дня рождения Томита Хииро произвёл поджёг после того, как моя семья уснула.

Я был единственным, кто сбежал из огня, который распространился вокруг меня.

Когда я понял, что это пожар, коридор был полностью перекрыт огнём и я не мог пройти дальше. Я полагаю, что Томита Хииро вышел из моря огня и ждал впереди, только чтобы потом узнать, что я был единственным кто спасся.

В спешке я схватил в руки цветочный горшок с подснежниками, совсем недавно подаренные Юми.

— Моя сестра была убита только из-за того, что дала мне подарок на мой день рождения…

Я тяжело дышал, чувствуя, что моё горло немеет, мои глаза застелили слёзы, я не мог видеть, что спереди, не знаю, может в мою голову хлынуло слишком много крови, моё сознание стало помутнённым.

В парке стояла гробовая тишина.

Ни аплодисментов, ни ликований, ни насмешек.

Вокруг царила тишина.

Всё что должно быть сказано, высказано. Но это ещё не конец.

Я подтянул Адзусу одной рукой.

Члены команды SAT явно нервничали, они опустили свои талии и были готовы напасть на меня в любое время.

Хорошо, оговорённые десять минут истекли, пришло время заканчивать.

— Я хочу знать правду, — я сказал последние слова. — Это моё желание.

Я осторожно отпустил громкоговоритель и бросил телефон вперёд. Таким образом, единственный, кто мог услышать мой голос, это Адзуса.

Я тихо прошептал ей на ухо:

… … … … Извини, Адзуса, я всё же не могу выполнить своё обещание с тобой.

Адзуса застонала, захотев что-то сказать.

Но прежде чем она успела хоть что-то сказать, я с силой оттолкнул её вперёд. Она была очень лёгкой, так что беспрепятственно отдалилась от меня.

Затем я указал острым кончиком кухонного ножа на собственное горло.

Это страховка.

Честно говоря, сейчас я никак не могу сказать, приняли ли люди то, что я сказал. Они могут просто отнестись к этому как к вранью обычного преступника.

Это ужасно. Злые дела Хицу были похоронены, а Хаитани Юдзуру был арестован как этакий злобный преступник столетия, в таком случае жизнь Адзусы… …

Просто представив себе этот несчастный конец, у меня выходят слёзы.

Но всё в порядке.

Если речь идёт о том, что пятнадцатилетний подросток покончил жизнь самоубийством, люди точно не оставят это без внимания.

Я террорист.

В конце концов, ты должен дать себе стать бомбой, чтобы перевернуть весь мир.

Вероятно, присутствующие тоже осознали, что я собираюсь сделать.

Раздался крик офицера полиции и члены команды SAT помчались сюда.

Подняв глаза, Хицу замер, на его лице не было никаких следов энергичности. Находясь в толпе, мистер Андо что-то громко выкрикнул.

Адзуса рухнула на землю, её глаза округлились.

Кухонный нож собирался вонзится в горло, когда что-то упало на мою руку.

Снег.

Выпал первый снег в этом году.

Увидев эту белизну, я вспомнил, что сказала Адзуса. В последний момент она рассказала мне легенду о подснежнике.

Нежный цветок, который придал цвет снегу.

Она была права. Когда я изо всех сил боролся в кромешной тьме, именно подснежник придавал мне надежду. Вот только для меня он действительно мог быть знамением смерти.

Как красиво было бы, если бы мои останки могли стать цветком снеженного цвета, как гласила легенда.

Я крепко обхватил кухонный нож.

Последнее, что я услышал, это то, как Адзуса выкрикнула моё имя.

http://tl.rulate.ru/book/29072/751011